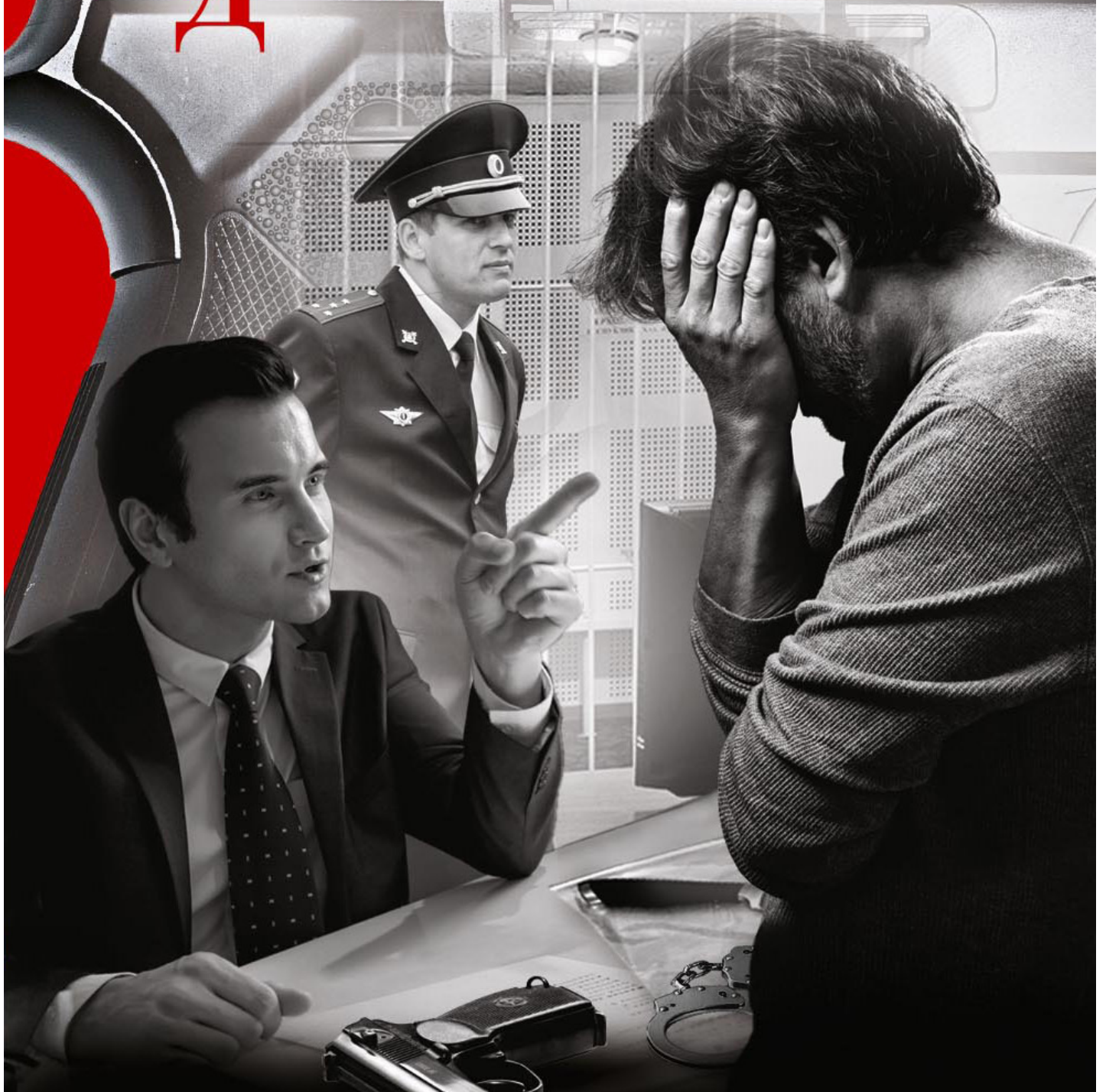

Д
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

а л е к с а н д р
Г О Р С К И Й

КРЫСОЛОВ

Полковник Реваев. Дело особой важности

Александр Горский
Крысолов

«Центрполиграф»

2019

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Крысолов / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2019 — (Полковник Реваев. Дело особой важности)

ISBN 978-5-227-08828-4

Максим Подгорный, крупный региональный бизнесмен, владелец телевизионной компании, получает лестное предложение поучиться в школе кадрового резерва администрации президента. Это открывает перед ним перспективы успешной политической карьеры. Максим соглашается, хотя это омрачает и без того непрочные отношения с женой: ей известна слабость мужа к женскому полу и его частые измены. И точно: в Москве у Максима тут же случился страстный роман с дочерью могущественного чиновника, близкого к первому лицу страны. Инициатором связи была Наташа Фролова, но Максим и не сильно сопротивлялся натиску столичной красотки. Ситуация перестала быть пикантной, когда Максим оказался связан с делом о двойном убийстве, совершенном с особой жестокостью...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08828-4

© Горский А. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Александр Горский	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Горский Крысолов

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Русский детектив»

© А.В. Горский, 2019

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Глава 1

Напоследок он покормил кошку. Насыпал ей полную миску сухого корма, потом, подумав, распорол ножом еще почти полную пачку и бросил на грязный пол кухни. В одном из навесных шкафов нашел то ли большую эмалированную миску, то ли маленький тазик и набрал в него воды. Испуганная кошка так и не вышла из своего укрытия. Ну ничего, проголодается – вылезет. Если повезет, то дотянет до того дня, когда квартиру откроют. Посмотрев в дверной глазок и убедившись, что поблизости никого нет, убийца, накинув капюшон, осторожно вышел на лестничную площадку, аккуратно захлопнул дверь. «Все же замок с защелкой – это очень удобно. Можно не беспокоиться, что дверь распахнет сквозняком или еще по какой непредвиденной причине. И не надо трясти ключами». Убийца был доволен тем, как все сложилось. Все оказалось даже проще, чем он ожидал. Конечно, кое-что пошло не совсем так, как было задумано, но тем не менее результат был достигнут. Неторопливо убийца спустился вниз по лестнице, негромко хлопнула входная дверь в подъезд. На лестнице вновь стало тихо. Летом иногда в подъезде отчаянно гудели ненароком залетевшие в дом мухи. Они громко жужжали и с разгона отчаянно бились о стекла закрытых окон. Но сейчас было начало марта, мухам в подъезде было взяться неоткуда.

Человек в капюшоне, выйдя на улицу, быстро огляделся, во дворе было на удивление тихо. Камера видеонаблюдения, установленная по программе «Безопасный город», смотрела на перекрытый шлагбаумом въезд во двор. Человек что-то пробормотал себе под нос и, немного сутулясь, пошел в противоположную сторону. В той части двор был огорожен высоким металлическим забором. Как это часто бывает, один из прутьев забора был выломан и открывал более короткий путь к автобусной остановке. Человек в капюшоне легко протиснулся сквозь поврежденное ограждение, но на остановку не пошел. Он быстрым шагом двинулся в сторону примыкающего ко двору дома небольшого парка, и вскоре его невзрачная, серая фигура растворилась среди темных мартовских деревьев.

В свете фар мелькнула табличка с перечеркнутым именем родного города, а вскоре остался за спиной и тусклый свет фонарей, освещающих выезд из Среднегорска. Ранним зимним утром дорога еще была пустынна. Впрочем, утром это время можно было счесть, лишь глядя на часы, светящиеся на приборной панели. Фактически была еще ночь. Где-то в домах разбросанных вдоль трассы поселков еще только начинали звенеть будильники жителей пригородов, которым надо было ехать на работу в город на электричке. Где-то за деревьями загорались далекие огоньки первых включенных спросонья светильников. Но еще не начали собираться в дорогу дальнбойщики, еще не выехали на трассу их огромные, чадающие дизелем фуры. Шоссе еще спало, тем особенно крепким утренним сном, который обязательно приходит незадолго до того времени, как надо проснуться.

Миновав установленные на выезде из города камеры, Подгорный сильнее нажал на педаль газа. Черный квадратный автомобиль, с гулом рассекая воздух, устремился вперед. Впрочем, в салоне шума было почти не слышно. Чтобы взбодриться, Макс врубил музыку погромче и теперь тщетно пытался переорать Александра Минькова, ставшего волею своих амбиций Александром Маршалом.

Moscow calling! Operator don't teas me
Moscow calling! Operator what's going on
Moscow calling! All the circuits are busy
Moscow calling! I'm going on ain't giving it up

Максим Подгорный обожал дорогу, как любят ее все владельцы мощных автомобилей. Зажатые в тиски городских условностей, стиснутые дорожными знаками и светофорами, под присмотром многочисленных камер наблюдения, мощные автомобили теряют всякий смысл своего существования, превращаясь в еще один бессмысленный дорогой фетиш, предмет зависти и хвастовства. Ну, тут смотря с какой стороны салона смотреть. Если снаружи, то зависти. Только трасса, причем желательна трасса ночная, не загруженная уныло плетущимся потоком немолодого ржавеющего металлолома, может дать настоящее ощущение драйва, чувство, что ты властелин могучего железного коня, а с ним вместе ты властелин если не всего мира, то уж этой трассы точно, во всяком случае, до первого поста ДПС.

До столицы надо было преодолеть чуть меньше двух тысяч километров, и черный матовый «гелендваген» стремительно сокращал это расстояние со скоростью сто километров за десять звучащих в его динамиках песен.

Свободное шоссе, скорость и громкая музыка наконец возвратили Подгорному хорошее настроение, которого он был уже несколько дней как лишен. Еще три недели назад в канун Нового года Макс рассказал своей жене Марине о предложении губернатора Сергиевича отправиться на несколько месяцев в столицу. Они с Мариной оба прекрасно понимали, что возможность войти в состав президентского кадрового резерва сулит пока неясные, но теоретически весьма заманчивые перспективы, и подобный шанс выпадает, очевидно, один раз в жизни. И все же Макс сразу почувствовал, что жена расстроена. Расстроена его предстоящим отъездом, предстоящей долгой разлукой. За несколько месяцев, прошедших с того дня, как Марина вышла из комы¹, она настолько привыкла к постоянному близкому присутствию мужа, что мысль об отъезде Макса на долгие три месяца Марину неприятно поразила. Надежды Подгорного на то, что за время, остающееся до его отъезда, жена к этой мысли привыкнет, были разбиты в пух и прах. Беспокойство Марины и ее нежелание отпускать от себя мужа усиливались день ото дня, несмотря на клятвенные обещания прилетать каждую неделю на выходные. Подгорный и до этого замечал, что жена его сильно изменилась. После перенесенной травмы она стала более эмоциональной, склонной к сильным перепадам настроения. Физически она почти полностью восстановилась и ежедневно совершала долгие пешие прогулки по поселку, сопровождаемая мужем, мамой или детьми, однако ее эмоциональное состояние оставляло желать лучшего. Не выдержав напряжения, Макс однажды тайком поехал к профессору Минаеву, лечившему Марину все те долгие месяцы, что она была в клинике. Однако, выслушав Подгорного, профессор лишь сделал задумчивое лицо, пожевал губами воздух и наконец изрек: «Время, Максим Сергеевич, время. Нам остается надеяться только на него. Человек, пробывший, можно сказать, в небытии несколько месяцев, возвращается в наш мир и узнает, что земля без него не остановилась, дети подросли, муж вполне здоров и упитан. И тогда человек задает себе вопрос: а может быть, им всем без меня было хорошо? Может быть, им без меня гораздо лучше, чем со мной? Глупость, конечно, несусветная, но человек так уж устроен. Человек необычайно мнительное создание. Наши эмоции зачастую нелогичны, даже парадоксальны. В нынешней ситуации вашей супруге может помочь только время и, конечно же, — спохватился профессор, — любовь и внимание всех близких ей людей».

На прощание Минаев крепко пожал Максиму руку и, глядя прямо ему в глаза, пожелал: «Терпения вам, друг мой, терпения». В голосе профессора слышалось явное сочувствие.

Прощальный вечер вышел скомканным. Детям передалось подавленное настроение матери, и, несмотря на любимые всей семьей роллы, ели без особого аппетита. Немного потыкав палочками в куски риса с рыбой и сделал пару глотков белого вина, Марина поцеловала детей и ушла в спальню. Макс еще немного поболтал с мальчишками, еще раз клятвенно пообещал приезжать как можно чаще, а на весенние каникулы забрать их на неделю в столицу. Ох уж

¹ Здесь и далее периодически упоминаются события романа «Большая игра».

эти обещания! Как часто мы искренне от всего сердца обещаем то, чего выполнить не сможем, а порою даже не попытаемся. Позже мы непременно найдем убедительное объяснение невыполнению своих обещаний и так же будем искренне в них верить, так же искренне обижаться, если кто-то нас заподозрит в лицемерии. Но все это будет потом.

Войдя в спальню и прикрыв за собой дверь, Максим несколько мгновений стоял неподвижно, привыкая к темноте. Прикроватные ночники были погашены, еле слышно было равномерное дыхание жены. Марина либо уже спала, либо притворялась. Макс постарался забраться под одеяло как можно тише и еще долго лежал с открытыми глазами, глядя в темноту. Прощального секса у них не было, как в принципе не было уже долгое время до этой ночи. Через несколько часов Подгорный проснулся, ткнулся губами в плечо спящей жены и вышел из спальни. Макс не стал включать телевизор и пил кофе в тишине. Возможно, поэтому он услышал тихие, крадущиеся шаги. По лестнице, босая, спускалась Марина. Макс поставил чашку на стол и встал навстречу жене. Она замерла, глядя на него сверху вниз, словно не в силах преодолеть последние пару ступеней.

Подгорный подошел к жене и обнял ее, уткнувшись лицом ей в грудь. Марина молча гладила его по голове, он чувствовал тепло ее рук, чувствовал, что не хочет расставаться с ней даже на день.

– Все будет хорошо, Маринка, – он обнял жену, приподнял, а затем поставил на пол, так что теперь уже она уткнулась носом ему в грудь, – все будет хорошо.

Он наклонился и поцеловал жену. Ее губы, чуть помедлив, открылись во встречном поцелуе.

Так они стояли, не в силах оторваться друг от друга, пока Марина наконец не оттолкнула его.

– Езжай, – она улыбнулась, – езжай скорее, пока я не передумала.

В автомобильных колонках одна песня сменяла другую, затем им на смену приходила реклама, потом опять кто-то пел. Макс уже не подпевал, сделал радио тише. За первый день он старался покрыть максимальное расстояние с тем, чтобы завтра прибыть в столицу по возможности засветло. Короткие остановки он делал лишь для того, чтобы заправиться да немного перекусить. Уже совсем стемнело, когда Подгорный начал присматривать место для ночлега.

Электронный дисплей показывал, что за день он преодолел уже тысячу двести километров. Как назло, на трассе не было ни малейшего намека на место для комфортной ночевки. Киров с его многочисленными автостоянками и мотелями уже остался далеко позади. В конце концов, уже совершенно без сил, на объездной Шарьи он свернул к слабо освещенному зданию с надписью «Кафе. Гостиница». После шестнадцати часов, проведенных почти непрерывно за рулем, Макса слегка покачивало. В кафе Подгорный взял оказавшийся на удивление вкусным плов и бутылку местного светлого пива. Пиво кислило, Макс не выпил и половины. Здесь же, от барменши он получил и ключи от номера. Единственный люкс был занят, но была свободна комната с двумя раздельными кроватями. Макс заплатил за двоих, чтобы ночевать в комнате одному. Как только он вошел в номер и сел на кровать, почувствовал, что силы окончательно его покинули. С трудом раздевшись, Подгорный укутался с головой тонким одеялом и через несколько минут уже крепко спал.

Следующий день поначалу был копией предыдущего. Ранний подъем, недопитый кофе, чем-то напомнивший вечернее пиво, пустая, темная трасса. Ближе к обеду стало ощущаться приближение к столице. Машин на дороге стало больше, больше стало и камер наблюдения. Ранние январские сумерки уже обволакивали окрестности, когда черный «гелендваген» наконец пересек окружную и неторопливо покотил в городском потоке, и окончательно стемнело, когда Макс добрался до дома. Квартира, оставшаяся ему от покойного отца, сенатора от Среднегорской области, располагалась в одном из уже не новых, но добротных жилых комплексов, построенных в западной части столицы.

Душ, бутылка купленного в мини-маркете на первом этаже пива. Приятная мягкость широкой кровати. Сон, сон, сон...

Панорамный вид на вечерний мегаполис с высоты шестнадцатого этажа Смоленского пассажа мог заставить полюбить столицу даже тех, кто испытывал к ней искреннюю неприязнь. Бесконечная огненная река Садового кольца беззвучно несла свои светящиеся в темноте ксеноновые и светодиодные волны одновременно в обе стороны навстречу друг другу. Совсем рядом, на другом берегу этой волшебной реки величественно возвышался сказочный замок Министерства иностранных дел. Тут и там темноту неба рассекали отблески золоченых куполов многочисленных церквей, а где-то совсем далеко багряно светились маленькие кремлевские звездочки.

Наташа молча смотрела на Макса и загадочно улыбалась. К чему относилась ее улыбка, Подгорный мог только догадываться, а пока он чувствовал, что против своей воли тоже глупо улыбается ей в ответ. Хотя сказать против своей воли – это было бы, наверно, неправильно. Макс хотел улыбаться этой сидевшей напротив него девушке, пристально смотрящей на него своими такими большими и такими зелеными глазами. Порой казалось, что в них проскальзывают маленькие искорки насмешки, но и против этого Подгорный не возражал. Когда Наташа наконец заговорила, Макс окончательно уверовал в то, что выглядит смешно.

– Максим, вы могли хотя бы притвориться интеллектуалом, ну, или галантным кавалером. Уж не знаю, что вам проще, – хихикнула Наташа, – или все так трудно? Девушку же надо развлекать, а вы молчите, как верблюды.

– Почему верблюды-то? – обиженно спросил Макс.

– Мне кажется, это подходящий пример, – снова хихикнула Наташа, – обычно верблюды молчат, во всяком случае, редко когда встретишь говорящего верблюда. Может, разве что у вас, в Среднегорске.

– У нас холодный город, боюсь, зиму верблюды не перенесут, – пробормотал смущенно Подгорный.

Наташа небрежно махнула в ответ рукой, словно отменяя его возражения.

– Знаете, Максим, вы такие глупости говорите. Верблюды на самом деле очень хорошо переносят холода, даже лучше, чем лошади. – Наташа подцепила кусочек хурмы из салата и отправила его себе в рот.

Подгорный неожиданно вспомнил свой последний разговор с губернатором Сергиевичем, когда тот поучал его в такой же снисходительной манере. «Похоже, мне и вправду пора за учебники садиться», – с досадой подумал Макс. Вслух же он произнес:

– Вот уж не знал, что жители столицы так хорошо в верблюдах разбираются.

– Знаете, Максим, когда живешь в таком странном городе, как этот, тебя всегда такой зверинец окружает, что в ком угодно разбираться начнешь. Порой думаешь, что с человеком знакомишься, а это в итоге такая скотина оказывается. Ой, – притворно смутилась Наташа, – это я вовсе не про вас сказала. Ну, я так думаю... Я надеюсь...

– Я понял, – собрался с мыслями Подгорный, – пока вы не смогли меня классифицировать как биологический подвид, мне уготована роль грустного клоуна. Верно?

– Ну почему, – лицо Наташи стало искренне огорченным, – почему грустного? – тут же взорвалась она смехом. – Не будьте грустным, Максим. Мне кажется, что вам это вовсе не идет. Ой, – неожиданно она смутилась по-настоящему, – мне папа рассказывал, что вам за последнее время сильно досталось.

Над столом повисло неловкое молчание. Сама того не желая, девушка напомнила Подгорному все мрачные события прошедшего года – и гибель отца, и борьбу за жизнь Марины. Марины! У него есть Марина. Макс испытал смущение, словно сам себя застучал на тайном свидании, почувствовал, как у него загорелись уши. Наташа, кажется, ничего не заметила, она

что-то быстро набирала в своем смартфоне. Но разве же это свидание? Конечно, то, что эта наглая девица моложе его на пятнадцать лет, особой роли не играло, у Подгорного бывали любовницы и помоложе. Но вот то, что Наташа была дочкой куратора его группы на курсах президентского резерва, играло большую роль. Роль эта еще более усиливалась в связи с тем, что куратор занимал должность первого заместителя главы президентской администрации, а фамилия Наташи была Фролова.

Наташа неожиданно мягко коснулась его руки. Макс вздрогнул, два желания бились в его голове. Он нестерпимо хотел отдернуть свою руку, чтобы разорвать это прикосновение. И в то же время ему так хотелось схватить ее ладонь обеими руками, крепко сжать и не отпускать. Так и не решив, куда деть свободную руку, он потянулся к бокалу с вином.

– Давайте выпьем, Наташа.

– Сухого вина? – К ней вновь вернулось игривое настроение. – Максим, мне кажется, в вас скрыт талант поэта-песенника.

– Я полон скрытых талантов, – усмехнулся Подгорный и неожиданно почувствовал, как постепенно к нему возвращаются столь привычные уверенность и легкая ирония, которые всегда помогали Максиму в общении с прекраснейшей половиной человечества. Макс сделал большой глоток вина и окончательно расслабился. Поводов нервничать не было. Что из того, что эта девица, избалованная дочь одного из высших государственных чиновников, над ним посмеивается? В конце концов, он и сам не так прост, а первая неделя, проведенная в столице, сложилась для него весьма удачно.

Прежде всего, удачным было то, что Макс попал в группу, которую курировал сам Фролов. В свое время Подгорный-старший именно с ним обсуждал свой переход с губернаторской должности в Совет Федерации, да и затем, будучи сенатором, поддерживал контакт с влиятельным чиновником. Сами кураторы во многом были фигурами достаточно номинальными, их основная функция сводилась к вступительной мотивирующей речи перед своими группами и традиционной полуторачасовой лекции примерно в середине курса. После того как выступление Фролова было закончено, обучающиеся обступили высокопоставленного наставника. Макс не стал лезть в толпу, пока вопросов у него не было, а желания просто попасть на глаза чиновнику он не испытывал. Однако на выходе из аудитории Подгорного остановила администратор их группы, женщина средних лет с острыми чертами лица и блеклыми светло-серыми глазами. У Макса она вызывала ассоциации с какой-то хищной птицей.

– Максим Сергеевич, задержитесь. – Немигающий взгляд в упор буравил Подгорного. – Петр Михайлович изъявил желание поговорить с вами. А что, вы знакомы с Петром Михайловичем? – В голосе промелькнули заискивающие нотки.

Макс отрицательно покачал головой. Видя недоверчивый взгляд администратора, объяснил:

– С Фроловым был неплохо знаком мой отец. Он умер почти год назад.

Администратор явно ждала более подробного рассказа, но Подгорный ограничился сказанным. Поняв, что больше ничего не услышит, женщина недовольно насупилась и, велев Максиму следовать за ней, направилась в административные кабинеты. Оставив Максима одного в просторном, почти без мебели помещении, основным украшением которого был огромный портрет действующего президента, администратор удалилась, унося с собой все то же недовольное выражение лица. Подгорный уселся на ближайший стул, извлек из кармана смартфон и занялся чтением новостей родного Среднегорска. Звук открывающейся двери он не слышал, но, почувствовав движение воздуха, поднял голову и тут же вскочил на ноги. В кабинет, улыбаясь, вошел Фролов и протянул руку Подгорному.

Максим впервые видел перед собой этого высокопоставленного чиновника. Будучи старше Подгорного на двенадцать лет, Петр Михайлович выглядел очень энергичным и подтянутым. Стройная фигура, расправленные плечи, быстрая легкая походка. Немного портило

впечатление лишь округлое лицо с небольшим первым подбородком и растущим вторым. Глаза сразу выдавали человека деятельного и решительного, это были глаза молодого человека, а не умудренного опытом, зачастую печальным, государственного служащего.

– Рад вас видеть, Максим Сергеевич, – голос чиновника звучал вполне искренне, – в свое время я был достаточно хорошо знаком с вашим отцом.

Выдержав положенную в таких ситуациях минорную паузу, Фролов продолжил:

– Мне кажется, что будет весьма логично, если вы, человек еще достаточно молодой и, как мне говорят, весьма энергичный, но уже достаточно опытный, продолжите дело своего отца.

Заметив некоторое недоумение на лице Подгорного, Петр Михайлович поспешил уточнить:

– Да, я знаю, что сейчас все бизнес-проекты вашей семьи замкнуты на вас. Но в данный момент я говорю совсем не о бизнесе. Я говорю о нашем государстве. Ваш отец занимал достаточно высокий государственный пост. И я так вам скажу, что он не только по должности, он и по сути своей был человек государственный. Он умел ставить свои личные интересы во вторую очередь.

Подгорному показалось, что комплимент был достаточно двусмысленный, но на всякий случай он согласно кивнул. Фролов заметил сомнение, лишь на мгновение промелькнувшее на лице Подгорного. Петр Михайлович рассмеялся.

– Максим Сергеевич, я вижу, вы меня с ходу понимаете. И вы и я оба знаем, что часть его успехов в бизнесе была связана с теми должностями, что он занимал за годы своей государственной службы. Не делайте такое мрачное лицо, молодой человек, оно вам не идет. То, как ваш отец добивался этих своих успехов, заслуживает уважения. Я не шучу. Вы приехали сейчас на обучение, успешное прохождение которого дает пусть и формальный, но пропуск в высшую лигу. Точнее, это некое виртуальное удостоверение кандидата. Так вот, здесь тестируют и проверяют не только ваши ум и сообразительность, но и способность ставить свои личные интересы ниже интересов государства.

– Вы уверены, что эта способность действительно используется? – Подгорный даже не пытался скрыть иронию.

Фролов небрежно закинул ногу на ногу. Его блестящие черные туфли были абсолютно чистыми, словно его перенесли на руках из машины прямо в кабинет.

– Как много нам открытий чудных... – Фролов, не закончив цитату, неожиданно замолчал и несколько секунд внимательно изучал Подгорного. Макс почувствовал себя неуютно под пристальным немигающим взглядом. – Максим, можно я буду называть вас по имени? Так вот, Максим, если вы вдруг попадете в эту пресловутую высшую лигу, то сильно удивитесь. Многое, что со стороны выглядит черным или квадратным, при взгляде, так сказать, изнутри неожиданно оказывается не то чтобы белым и пушистым... – Он щелкнул пальцами, подбирая слова.

– Мягким и бежевым, – усмехнулся Макс и пояснил удивленному Фролову. – У меня «гелендваген». Идеально под этот пример подходит.

– Почему бы и нет? – согласился Петр Михайлович.

– А не так давно я с Сергиевичем общался, губернатором нашим, тот тоже убеждал меня, что мир не такой, как мне кажется.

– Сергиевич? Толковый, кстати, парень, и о вас, Максим, отзывался очень хорошо. Так вот, дам вам, молодой человек, совет – не спешите судить и делать выводы. Святых нет нигде, разве что в Писании. Люди, стоящие на верхних ступенях власти, тоже всего лишь люди. У них есть свои слабости и недостатки, но есть и достоинства. Задача нынешних курсов – как раз и выявить ваш потенциал как в плане достоинств, так и изъянов. Ваш скептицизм, кстати, можно отнести как к первому, так и ко второму. – Фролов встал, заканчивая беседу. Максим тоже поднялся. – Смотря кто будет оценивать. Не у всех такие, скажем так, широкие взгляды, как у меня.

Открылась входная дверь, и в кабинет без стука вошла молодая темноволосая девушка лет двадцати. Увидев Фролова, девушка, как ни странно, совершенно не смутилась, наоборот, подскочила к нему и громко чмокнула в подставленную щеку.

– Познакомьтесь, Максим, это моя дочь, Наташа, – немного смутившись, представил девушку Фролов. – Тоже посещает курсы, так сказать, на внеконкурсной основе.

Наташа хихикнула и протянула Максиму руку. Он осторожно пожал ее. Девушка хихикнула еще раз.

– Не бойтесь, не раздавите, я не стеклянная. Вы у папы в группе? Если будет придирааться, скажите мне, все решим. – Она повернулась к отцу. – Ты скоро? Поедем где-нибудь пообедаем.

Фролов поднес к глазам руку с часами, нахмурился.

– Ничего не получится, мне уже через полчаса надо быть на совещании в администрации. Придется тебе пообедать без меня. Вызови такси, солнышко.

Солнышко недовольно трянуло темным каре волос и наморщило маленький симпатичный носик.

– Я могу вас подвезти, я на машине.

Наташа еще раз оценивающе пробежалась взглядом по Подгорному и, очевидно придя к благоприятному выводу, согласилась.

– Ну вот и замечательно. – Петр Михайлович крепко пожал на прощание руку Подгорного и, не разжимая ладони, громко спросил: – Кстати, как здоровье вашей супруги, она поправляется?

– Да, спасибо, уже гораздо лучше, – отозвался Макс. Но что-то ему подсказывало, что вопрос был задан Фроловым вовсе не для того, чтобы услышать ответ.

– Вам же все равно куда ехать? – поинтересовалась Наташа.

– Абсолютно, – улыбнулся в ответ Макс. – Вы мне только точный адрес скажите, я пока у вас без навигатора слабо ориентируюсь.

– Скажете тоже, – рассмеялась Фролова, – сейчас столько всего понастроили, что и местные без навигатора не ориентируются. Давайте на Остоженку, у меня как раз в тех краях через два часа косметолог.

Навигатор быстро проложил маршрут от здания Высшей школы экономики до Остоженки. «Расстояние 5,1 км, время в пути без пробок 9 минут, ожидаемое время в пути 30 минут».

– Не так уж все плохо, поехали! – Макс аккуратно вклинился в плотный поток транспорта.

Почти всю дорогу они ехали молча, изредка обмениваясь короткими, без особого смысла вопросами и ответами. Макс, до этого перемещавшийся по столице на такси либо служебной машине отца, в плотном столичном трафике чувствовал себя пока не очень уверенно и поэтому внимательно следил за дорогой. Ему трудно было привыкнуть к тому, что в центре мегаполиса почти каждая вторая машина была «мерседес» E- или S-класса, зачастую оснащенная мигалками или номерами с грозными аббревиатурами ЕКХ или АМР. Это в Среднегорске черный, украшенный номерами с тремя тройками «гелендваген» был известен почти каждому. А в столице это была обыкновенная дорогая машина, одна из многих, уныло ползущих от светофора к светофору.

Наташа Максиму понравилась с первой же улыбки, а улыбалась девушка часто. Весь ее жизнерадостный облик говорил о том, что это человек, не ведающий бед и забот, не знающий настоящих проблем и больших разочарований. Подгорный и сам всего год назад был точно таким же, пусть и намного старше, беззаботным оптимистом, легко скользящим по жизни. Но неожиданно он поскользнулся и упал раз, другой и теперь осторожно стоял на ногах, с опаской пробуя дорогу, прежде чем сделать следующий шаг. Девушка Максиму понравилась, не понравилось ему то, как ее отец напомнил о здоровье Марины. Сейчас Макса от жены отделяли пара

тысяч километров и пара часовых поясов. Если еще кто-то вклинится в этот промежуток, то это могло оказаться непосильным испытанием на прочность для их и без того таких непростых отношений.

От предложения пообедать вместе Подгорный отказался, сославшись на договоренную заранее встречу. Едва Наташа вновь недовольно сморщила свой прелестный носик, Максиму захотелось переменить свое решение, так притягательно она выглядела, когда сердилась. Не попрощавшись, девушка хлопнула дверцей и, сделав несколько шагов, исчезла за дверью ресторана, занимавшего весь первый этаж четырехэтажного жилого дома напротив храма Христа Спасителя. Золотые купола жизнерадостно поблескивали на солнце. «Хорошее место. Грех чревоугодия можно замаливать прямо во время еды». Макс еще несколько мгновений смотрел на огромные окна ресторана, в тщетной надежде увидеть там изящную фигуру Наташи. Так ничего и не разглядев, он бесцельно покатил по узким улочкам старого центра. Спешить ему сегодня было некуда.

Глава 2

На лестничной площадке второго этажа старого пятиэтажного дома было непривычно многолюдно. Многолюдье это образовалось не сразу. Поначалу у запертой металлической двери молодой участковый довольно долго выслушивал нескольких обитателей соседних квартир, что-то пытался возражать, но делал это вяло, скорее по устоявшейся полицейской традиции не принимать всерьез слова обычных граждан. Но в этот день граждане были очень настойчивы и, очевидно, в чем-то даже правы. В конце концов участковый смирился и начал куда-то звонить. Еще через достаточно продолжительное время на лестничной площадке появился слесарь. Обменявшись несколькими репликами с участковым, слесарь переключился на окружающих его жильцов дома, число которых постепенно увеличивалось. С ними он общался гораздо более эмоционально, впрочем, и те находили, что ответить. Получив явное удовольствие от общения, слесарь начал вскрывать запертую дверь. С ходу замок взломать не получилось. От соседней квартиры протянули удлинитель, кто-то принес перфоратор, и работа закипела с новой силой. Слесарь вошел в азарт и, когда дверь наконец поддалась под его и перфоратора натиском, распахнул ее с видом захватившего Рим варвара. Ударившая слесарю в лицо волна отвратительного запаха мгновенно смыла с него восторг победителя. Он попятился, тем самым открыв путь участковому. Капитан на несколько секунд исчез в квартире, затем выскочил из нее, судорожно сжимая перед собой папку для документов так, словно она могла защитить его от того, что он увидел внутри. Толпа прильнула к нему и вопросительно загудела.

Участковый в ответ закричал. Как он сам вспоминал позднее, он отдал находившимся вокруг него людям три внятных распоряжения. Во-первых, он запретил кому бы то ни было входить во вскрытую квартиру. Во-вторых, он потребовал, чтобы все находились у себя дома и ждали поквартирного обхода, так как состоится опрос свидетелей. В-третьих, он попросил кого-нибудь принести ему воды.

На самом деле участковый, выпучив глаза, что есть мочи орал на окружающих его граждан, сопровождая каждое свое требование потоками нецензурной брани, столь же доходчивыми, как и однообразными. Пожалев молодого человека, сразу две женщины из разных квартир принесли ему по стакану воды. Участковый залпом осушил один стакан, второй выпил слесарь, справедливо заметив, что водка здесь была бы уместнее. Капитан с ним был абсолютно согласен, но выпить чего покрепче теперь ему было никак нельзя. Ведь вскоре стоило ожидать приезда кучи его коллег, следователей, а возможно, и кого-то из начальства. Двойное убийство на его территории совершалось впервые.

* * *

«Обещания надо выполнять» – так Макса с детства учил отец. Самым досадным было то, что Макс и сам был не против выполнить данное жене и детям обещание прилетать каждые выходные. Из столицы до Среднегорска было всего два часа лету, и теоретически можно было в пятницу вечером быть уже с семьей, а вечером воскресенья возвращаться обратно.

Но с первой же недели обучения все пошло наперекосяк. Суббота была объявлена рабочим, точнее, учебным днем, а на долгожданное воскресенье был дан небольшой список литературы, которую следовало прочитать к понедельнику. В общем, ничего особенного, все как в любом уважающем себя высшем учебном заведении. Необычным было лишь то, что все студенты этого вуза были уже люди достаточно взрослые, средний возраст которых был как раз

в районе сорока лет. Почти у всех были семьи, и у двух третей обучающихся, так же как и у Подгорного, их семьи были в других городах.

Макс в очередной раз взял телефон в руки, покрутил его и положил обратно на стол. Бесцельно послонялся по комнате, постоял у окна, за которым разбросал вечерние огни огромный мегаполис. В Среднегорске ночь была еще на два часа сильнее. Понимая, что разговор будет неприятным, Подгорный подошел к столу, взял смартфон и набрал номер, стоявший первым в списке избранных. Марина, выслушав мужа, долго молчала. Очень долго. Это молчание уже начало раздражать Макса, когда Марина наконец ответила:

– Ты только сегодня узнал, что не прилетишь? Почему ты не сказал об этом раньше?

Макс, стыдясь сам себя, промямлил в трубку нечто не очень внятное, но подразумевающее его искреннее сожаление о сложившихся обстоятельствах. Марину это не очень тронуло. Она опять надолго замолчала, затем холодно объявила мужу, что детям о том, что не прилетит, он должен сказать сам. Разговор прервался.

Неясный вскрик, короткий взмах руки. Телефон с бешеной скоростью пересек ограниченное пространство комнаты и, с глухим звуком врезавшись в стену, отскочил на пол. В стороны отлетели несколько мелких осколков разбитого экрана, а на стене осталась небольшая зазубрина.

Представив эту картину во всех деталях, Макс задумчиво покрутил айфон в руке. Вспышка ярости уже прошла, и он набрал номер старшего из сыновей.

Наступил понедельник, и жизнь помчалась вперед с бешеной скоростью, заставляя забыть обо всем, что не было связано непосредственно с процессом обучения. В квартиру Подгорный возвращался поздно, по дороге заказывая себе доставку еды на дом. Поужинав, он садился за книги, заставляя мозг, уже давно отвыкший от такого напряженного ритма, впитывать в себя новую информацию. Спать Макс ложился далеко за полночь, когда слезящиеся глаза уже переставали различать текст, а мозг переставал понимать даже то, что еще различали глаза.

Pain!

You made me a, you made me a believer, believer

Новое утро, но вставать не хочется так же, как и вчера. Подгорный начал понемногу ненавидеть Imagine Dragons и поклялся себе сменить мелодию будильника, как только обучение будет завершено.

В перерывах между занятиями Макс несколько раз встречал Наташу. Они здоровались, иногда обменивались ничего не значащим «Как дела?» или «Как успехи?» и расходились по своим аудиториям. В субботу занятия закончились чуть раньше, и Подгорный, выпив в местном буфете кофе, решил посидеть еще пару часов в институтской библиотеке. Он взял две книги: «Как говорить нет» Алекса Ширмана и «Искусство переговоров» Джозефа Райта. В просторном читальном зале было немногочисленно. Макс шел по широкому центральному проходу, намереваясь занять стол в дальнем углу, и разглядывал сидящих за столами студенток. В подавляющем большинстве в читальном зале были именно девушки. Очевидно, юноши приберегали свои силы и жажду знаний ближе к наступлению сессии. Как и любой мужчина, возраст которого приближается к сорока, попав в помещение, где находится пара дюжины молоденьких и большей частью симпатичных девушек, Подгорный непроизвольно выпрямился, втянул живот и расправил свои и без того широкие плечи. Одна из студенток повернула к нему свое симпатичное лицо, заметила его потуги и хихикнула. Поняв, что девушка смеется именно над ним, Макс смутился и начал краснеть. Через мгновение его смущение усилилось, а краснота набрала багровый оттенок, когда Макс понял, что над ним смеется Наташа. Подгорный на мгновение замешкался, но потом, совладав с собой, подошел к девушке и, небрежно положив книги на ее стол, уселся рядом, не спрашивая разрешения.

– Какой неожиданный сюрприз, так приятно вас видеть. – Нотки ехидства звучали достаточно отчетливо.

– А я, признаться, несколько удивлен, – в свою очередь, нанес укол Подгорный, – был уверен, что попавшие сюда на «внеконкурсной основе» не обременяют себя дополнительными умственными нагрузками.

Обменявшись словесными выпадами, оба погрузились в чтение. Макс довольно быстро пробежал обе книги наискосок и сделал для себя вывод, что большая часть написанного в них западными авторами мало применима к отечественным реалиям делового общения, а некоторые советы и предлагаемые практики откровенно вредны. На этом утверждении он и решил строить свой предстоящий в понедельник доклад по теме «Жесткие переговоры с равными и вышестоящими должностными лицами». Набросав несколько тезисов в блокноте, Подгорный решил продолжить работу дома, где у него было оборудовано превосходное рабочее место. Покосившись в сторону своей соседки, он с удивлением увидел, что она вовсе не увлечена чтением, а, подперев рукой голову, внимательно разглядывает его самого.

– Да, я знаю, что божественно красив, – Макс повернулся к Наташе, – от меня трудно взгляд оторвать. Хорошо, что вы за книгой, а не за рулем, иначе мы могли бы оба погибнуть.

– Какое самомнение, – фыркнула Фролова. Она протянула руку к голове Макса и, легко коснувшись его волос, продемонстрировала ему небольшое белое перышко. – Похоже, у вас перья из подушки лезут. Весь день так ходите? Надо по утрам к зеркалу подходить, это и мужчинам полезно тоже.

– Странно, у меня подушки тайские, латексные, – пробормотал Подгорный, с удивлением разглядывая перышко.

– Вон оно как! – развеселилась Наташа. – Ну, значит кто-то из здесь присутствующих провел ночь не на своей подушке.

Макс раздраженно отбросил перо на пол.

– Во-первых, я ночевал дома, а во-вторых, это вас никаким местом не касается.

– А вовсе и не надо меня касаться этим вашим местом, – съязвила Наташа, – и потом, если есть такое суровое «во-вторых», то к чему у вас «во-первых»? Оно лишнее. Вы плохо изучили искусство ведения переговоров. Студент Подгорный, ставлю вам неуд!

Неожиданно девушка с беззаботной улыбкой несильно щелкнула Макса по лбу. Подгорный потер лоб, немного подумал.

– А в-третьих, вы сами, скорее всего, прилепили мне это перо. Верно? Ваша самолюбивая натура не может простить мне того, что я отказался с вами пообедать.

– Вы просто гений дедукции, – захлопала в ладоши Наташа. – Я что же, по-вашему, это перышко всю неделю в сумочке носила, ждала удачного момента? Холмс из вас, очевидно, не выйдет, а что касается обеда, тут вы явно переоцениваете свою значимость. Я об этом и думать забыла. Впрочем, – Наташа попыталась сделать серьезное выражение лица, – если вы сами признаете, что мне есть за что вас прощать, то можете искупить свою вину и пригласить меня сегодня на ужин. Поедемте в Rabbit?

Макс сделал большой глоток вина и окончательно расслабился. Поводов нервничать не было, что из того, что эта девица, избалованная дочь одного из высших государственных чиновников, над ним посмеивается. В конце концов, он и сам не так прост, а первые недели, проведенные в столице, сложились для него на самом деле весьма удачно.

Управившись с салатом, Наташа откровенно заскучала. Вино она пила мало, за прошедший час Максиму так и не пришлось подливать в ее бокал. В конце концов девушка встала и, одарив Макса вялой улыбкой, сообщила, что покинет его на несколько минут. Подгорный взглянул на часы. В Среднегорске была уже полночь, Марина, скорее всего, давно спала. Было странно, что она сама не позвонила ему. Макс почувствовал некоторое беспокойство, покру-

тил телефон в руках. Затем, решив все же позвонить жене с самого утра, начал лениво просматривать новостные странички.

Когда Подгорный, уже изучив все последние новости, блуждал по просторам Инстаграма, кто-то закрыл ему глаза ладонями.

– Вот и я, заждался? – Наташа, вернувшись, сразу перешла на «ты».

Не убирая ладони с его лица, девушка несильно укусила Макса за ухо. Подгорный спиной ощущал касание ее груди. Медленно он взял Наташу за руки и, немного разведя их в стороны, обернулся. За несколько минут отсутствия настроение Фроловой явно переменилось к лучшему. Когда Макс обернулся, она еще раз чмокнула его, на сей раз угодив в кончик носа. Затем походкой модели девушка прошла к своему диванчику и, скинув ботильоны, забралась на него с ногами. С трудом дотянувшись до своего бокала, Наташа отсалютовала Максиму и залпом выпила все вино. Подгорный, отсалютовав ей в ответ, тоже сделал пару глотков.

– Ты, надеюсь, не дуешься? Ну там за верблюда с обезьяной. – Наташа отставила бокал в сторону и сидела с видом полнейшего удовлетворения. – Ты не представляешь, сколько вокруг меня уродов постоянно крутятся. Всем же нужен мой папик. Говорят, это девки в столицу едут, чтобы себе папиков искать с кошельком потолще. Чушь все это! – Наташа говорила все громче. – Это мужикам папик нужен. Здесь, в столице, вообще нет нормальных мужиков. Ты представляешь, как они все хотят моего папашку. Стоит только узнать мою фамилию, так все до единого, вот прям сразу мечтают на мне жениться. Вот прямо все поголовно! Тьфу.

Подгорному показалось, что Наташа действительно плюнула куда-то под стол. Рукой она показала, чтобы Макс налил ей еще вина.

– Ненавижу мужиков. Тут не то что зверинец, тут целый зоосад вокруг. Ты представляешь, нас с папой Тукай, – мимоходом упомянула она министра обороны, – недавно пригласил на танковый биатлон. Приехали мы туда, посмотрели соревнования, потом из пулемета постреляли, затем они все водку пить стали. Тукай, папа и генералы какие-то. А я так, рядом с мартини крутилась. Ты бы слышал этих генералов. Что они несут! Господи, какой бред они несут! Это же мореный дуб какой-то, а не люди. Мы когда назад ехали, я у отца спросила, почему они таких дубов в генералы набирают. Знаешь, что он мне ответил? Он мне заявил, что зато они очень надежные, и самое главное, чтобы я про них ничего в Инстаграме не вздумала написать. Представляешь?

– Где-то я такое уже слышал, – с усмешкой пробормотал Макс, – про надежность.

– Просила отца отправить меня в Бритиш учиться или хотя бы в Сорбонну, но он не отпускает. В Сорбонну я, правда, сама не очень хочу, во Франции там все мутно как-то, неспокойно. И арабов много. Мне кажется, Франция – это уже не совсем Европа. Вот Кембридж – совсем другое дело.

– Так и что мешает? – Максим с любопытством слушал Наташины откровения, неторопливо потягивая вино.

– Папик, все решает папик. А папик говорит, что это... – Наташа на мгновение задумалась, а потом торжественно процитировала: – «Не вписывается в современные внутривнутриполитические тенденции». У них там, видите ли, тенденции, а я должна сидеть в этом гадюшнике.

Недовольным взглядом девушка огляделась по сторонам, брезгливо поморщилась. Затем она вновь повернулась к Подгорному и, наклонившись вперед, громко прошептала:

– Забери меня отсюда.

– Куда это? – спросил Макс, гадая, входит ли в понятие «отсюда» только ресторан или вся страна в целом.

– Куда-нибудь, увези меня, мне здесь скучно, – капризно настаивала Фролова.

Определенности не прибавилось, и Подгорный, решив, что отвезет пьяненькую Наташу к ней домой, взмахом руки подозвал официантку, чтобы рассчитаться. В лифте они спускались с еще одной парой. Это были уже немолодые люди, судя по всему, супружеская чета из Европы.

– Вот, европейцы, – в ухо Максиму, но оглушительно громко, на весь лифт заявила Наташа, – приезжают к нам, смотрят, фотографируют. Они же ничего не понимают. Они видят центр, Кремль, Тверскую, как там все красиво, но они ведь совсем не понимают, как мы живем. Как мы живем, Макс, это же ужасно!

Наташа была явно пьяна и уже не могла объяснить ни Подгорному, ни пожилой паре из Европы, как же именно она жила и что в ее жизни было столь ужасно. Она несильно стукнула кулачком Макса в грудь и уже тише пробормотала:

– Ненавижу вас, мужиков. – Она подняла голову и посмотрела Максиму прямо в глаза. Ему показалось, что зрачки ее немного расширились. – Тебе ведь тоже нужен мой папик? Признайся. Хотя лучше не надо, не признавайся. Ты хотя бы не хочешь на мне жениться. Да? Это здорово. Ты хороший... верблюжонок.

Выйдя из лифта, пожилой джентльмен на прощание приподнял свое кепи и неожиданно без всякого акцента произнес, обращаясь к Максиму:

– Удачного вечера, верблюжонок.

После чего подхватил свою даму за талию и, обменявшись с ней короткими репликами на французском, удалился вместе со своей спутницей. Подгорный проводил пару недоуменным взглядом, так и не определив, был ли импозантный мужчина иностранцем, или же это престарелый жиголо.

Макс помог Наташе сесть в машину, занял водительское место. «Гелендваген» выкатился из подземного паркинга и влился в летящий по Садовому кольцу поток.

– Куда ехать-то? – Макс мельком взглянул на Наташу, та никак не отреагировала на вопрос. «Гелендваген» начал противно, с нарастающей громкостью попискивать.

– Ты бы пристегнулась, он ведь не успокоится.

Наташа молча просунула ремень безопасности у себя за спиной и защелкнула фиксатор. Писк прекратился.

– Видишь, как все просто. Одного мальчика успокоили, а другого теперь можно и возбудить.

– Наташа, ты мне скажи, куда тебя отвезти, и давай доедем без осложнений. – Максиму становилось ясно, что события развиваются для него не самым лучшим образом.

– Ты же за рулем, вот ты и вези. Мой адрес ты не знаешь, значит, вези к себе, – промурлыкала она в ответ, – все логично.

Макс крепче сжал руль. Ситуация была безвыходная. Не мог же он выбросить эту девочку в таком состоянии посреди дороги, хотя ей это, возможно, даже было бы полезно. Оставался еще один вариант. Прощаясь, Петр Михайлович Фролов протянул Максиму визитку со своим номером, так что вполне можно было позвонить отцу этой ненормальной и сдать ее ему из рук в руки. Несомненно, это казалось самым правильным вариантом. Подгорный подумал, что безвыходной ситуацию он делает сам, только потому, что ему не нравятся варианты выхода. От этих мыслей его отвлекла Наташа. Встав на колени, она начала целовать Макса, попадая губами ему то прямо в ухо, то в щеку, то в висок. Подгорный ощутил нарастающее возбуждение. Он попытался отстранить девушку. Куртка на Наташе была расстегнута, и рука Макса случайно коснулась груди, прикрытой лишь тонкой водолазкой. Подгорный попытался отдернуть руку, но не успел – Наташа мгновенно с силой прижала ее к своей груди.

– Мы сейчас во что-нибудь врежемся, и все веселье закончится. – Макс с трудом освободил руку.

– Тогда не отвлекайся от дороги.

Наташа еще раз поцеловала Макса в правое ухо, а затем пальцы девушки скользнули к застегке его брюк. Подгорный попытался убрать Наташину руку, в итоге ситуация получилась патовая. Наташа через ткань сильно сжимала его член, а Макс, в свою очередь, сжимал руку Наташи. Пережатая брюками, уже налитая кровью мужская плоть рвалась наружу. Макс убрал

руку на руль и почувствовал облегчение, когда Наташа наконец смогла расстегнуть ему молнию.

Они сворачивали на Ломоносовский проспект, когда Макс кончил.

Припарковавшись у дома, Подгорный некоторое время сидел неподвижно, глядя на довольную собой Наташу. Девушка тоже молчала, в темноте блестели ее глаза. Она пристально смотрела на Макса и улыбалась ему. В улыбке не было и следа былой насмешки.

– Зачем тебе все это? – наконец нарушил затянувшееся молчание Подгорный.

– Все обязательно должно быть зачем-то? – тихо, в свою очередь, спросила Наташа. Нотки грусти проскользнули в ее голосе. – Ты слишком много думаешь. Тебе же сейчас было хорошо? А хорошо не обязательно должно быть «зачем». Хорошо может быть просто так. Главное, не делать никому зла. Но мы же не сделали никому плохо, мы только сделали хорошо себе. И потом, ты ведь сам захотел всего этого. – Она ткнула пальцем Подгорного в бок.

– Я? – искренне изумился Подгорный.

– Да, ты, – убежденно ответила Наташа, – еще в тот момент, когда подсел ко мне в библиотеке. Ты уже тогда знал, что все кончится именно так. Ты только об этом не хотел думать или боялся. А уж когда ты согласился повезти меня в ресторан, ты окончательно убил все другие варианты.

Макс ничего не ответил. Он задумчиво крутил обручальное кольцо на безымянном пальце. Наташа осторожно коснулась кольца, провела пальцем по руке. От ее прикосновения по коже побежали мурашки.

– Только не надо никому ничего говорить, Максим. Тогда никому не будет больно. Тогда не будет никакого «зачем?». Все проблемы не оттого, что кто-то сделал что-то неправильное, а оттого, что об этом узнали другие. – Она немного помедлила. – Папа тоже не должен ничего узнать.

Хотя в машине было тепло, девушка зябко поежилась.

– Отведи меня в дом. Я не хочу сидеть всю ночь в этой колымаге.

Войдя в квартиру, Наташа сбросила с себя куртку, кое-как разулась и, не спрашивая разрешения у хозяина, надолго заперлась в ванной.

Макс прошел на кухню, налил себе немного виски. Затем вернулся в гостиную и, усевшись в огромное кожаное кресло, когда-то давно купленное еще его отцом, включил телевизор. Как всегда вечером в субботу, все центральные каналы показывали полную чушь. Подгорный некоторое время понажимал кнопки пульта, затем, окончательно отчаявшись найти что-либо стоящее, переключил на музыкальный канал. Он уже допил свой виски и почти задремал, когда из ванной наконец появилась Наташа. Из одежды на ней было только банное полотенце Подгорного. Если Макса уже вовсю клонило ко сну, то Наташа, приняв душ, опять взбодрилась и теперь пребывала в весьма игривом настроении.

– Не спи, верблюжонок! – Она забралась верхом прямо на Макса, наклонилась к нему и долго, страстно поцеловала его в губы. Полотенце сползло вниз, обнажив довольно крупную, идеальной формы грудь.

Макс уже не мог сдерживаться. Он ласкал эту прекрасную грудь руками, то сильно сжимал ее, то нежно касался набухших сосков кончиками пальцев. Затем он прильнул к одному из сосков губами. Наташа издала негромкий стон и с силой обхватила его голову. Макс почувствовал боль, когда ногти впились ему в затылок. Но разве могла эта боль сравниться с тем желанием, что сейчас охватило их обоих? Крепко обхватив Наташу за ягодицы, Подгорный поднялся из кресла и понес девушку в спальню.

Макс все еще возбужденно дышал, когда Наташа, положив голову ему на грудь, растягивая от удовольствия слова, произнесла:

– А ведь хорошо получилось! Баллов на восемь, я думаю, – немного подумала и добавила уже насмешливо: – Хотя нет, с тебя и семи хватит.

– Не густо, – пробормотал Макс. Второй раз он долго не мог кончить и теперь чувствовал себя совершенно измотанным, хотя и очень довольным.

– Дурак, это по пятибалльной шкале, – хихикнула Фролова и несильно ущипнула Макса за грудь.

В ответ он пощекотал ее где-то под ребрами. Наташа взвизгнула и отскочила в сторону. Довольный, Макс вскочил с кровати и направился в ванную. В ванной все было почти как всегда. Все та же бело-черная керамика на стенах, все тот же глянецовый черный умывальник с гигантской столешницей. Однако кое-что сразу же бросилось в глаза Подгорному, лишь только он зашел в ванную комнату.

Особенность черного умывальника в том, что на нем хорошо видны крупинки кокаина. На нем в принципе хорошо видны все белые крупинки. И сейчас именно они были отчетливо заметны на блестящей черной поверхности.

Когда, приняв душ, Подгорный вернулся в спальню, Наташа уже уснула. Она так и лежала на постели голая, поджав ноги к груди и обхватив их руками. Поразмыслив, Макс не стал будить девушку. Он аккуратно накрыл ее одеялом и пошел на кухню, где вновь извлек из шкафчика бутылку с остатками недопитого виски.

Глава 3

Прошло по меньшей мере минут сорок с того момента, как квартира была вскрыта, до того времени, когда на площадке второго этажа начали появляться коллеги молодого участкового. Первыми приехали два оперативника из районного управления. Оба слегка небритые, коренастые, выдавшие всякое, с непреходящей ухмылкой на лице и недоверчивыми цепкими глазами. Небрежно поздоровавшись с участковым, они зашли в квартиру, но пробыли там недолго. Выйдя вновь на лестничную площадку, они там же и закурили. Учувшая дым табака одна из обитательниц соседней квартиры высунулась было на лестницу, призывая их к порядку, но была быстро послана, в том числе обратно в квартиру. Когда опера уже докуривали, по лестнице тяжело поднялся дежурный следователь, еще достаточно молодой, но уже очень полный мужчина. За ним, о чем-то оживленно болтая, поднимались медэксперт и криминалист. Вся эта троица уже успела покурить на улице. Увидев следователя, участковый соскочил с подоконника и коротко доложил о всем происшедшем. Один из стоящих рядом оперов кивал после каждого предложения участкового, потом еще что-то добавил, и теперь кивнул уже следователь. Вся прибывшая компания направилась в квартиру, где произошло преступление, а молодой капитан вновь забрался с ногами на широкий подоконник и стал смотреть в окно, ожидая приезда патрульных, которые должны были его сменить. Минут через пятнадцать действительно появился еще более молодой сержант патрульно-постовой службы. Капитан убрал ноги с подоконника, сержант сел рядом, и они закурили. Во всем подъезде уже висели тяжелые серые клубы табачного дыма. Сержант подергал деревянную форточку у себя над головой, но форточка так и не открылась. Участковый отправился в квартиру, где находилась вся следственная группа. Он и так знал, что сейчас надо будет отправляться на поквартирный обход вместе с операми, однако ему необходимо было получить распоряжение следователя. Когда капитан зашел в квартиру, один из оперов, сидя на кухне, заканчивал разговор с сотрудником отдела, которому передали для уточнения паспортные данные обеих убитых, благо паспорта оказались при них.

Убрав телефон в карман, опер удивленно уставился на участкового, словно видел его впервые в жизни. Потом, недобро усмехнувшись, сказал:

– Ты не представляешь, кого здесь грохнули. Чего стоишь? Зови следака, по ходу надо начальству звонить.

Выслушав оперативника, следователь провел руками по своему выпирающему из-под кителя животу, так, что было неясно, он поглаживает животик или вытирает об него потные руки. После этого толстяк неожиданно улыбнулся:

– Ну что же, не нам с этим делом возиться, – и, найдя в избранных контакт своего непосредственного руководителя, нажал на экране кнопку «Вызов».

С утра Наташа была не в настроении. Проснувшись, она тоном, не терпящим возражений, отправила Макса в магазин за шампанским, а сама улеглась отмокать в ванну. Вернувшись, Макс обнаружил, что его гостя из ванной так и не выходила. Подгорный пошел на кухню, откупорил бутылку и разлил шампанское по бокалам. Когда он зашел в ванную, то решил, что Наташа использовала все имевшиеся у него запасы декоративной пены и соли для ванн.

– Ну наконец-то, – приветствовала Макса Наташа, – я уже здесь почти в русалку превратилась!

Она подняла из воды ногу, а потом, наделав кучу брызг, опустила ее обратно. Макс протянул Наташе шампанское. Она сделала несколько жадных глотков.

– Уф! Хорошо-то как. Действительно хорошо.

– Что, после кокаина шампусик неплохо заходит? – полюбопытствовал Подгорный.

Наташа допила шампанское, сунула ему фужер в руку.

– Налей еще, не жадничай.

Подгорный протянул ей свой, еще полный бокал. Мгновенно опустошив и его, она вернула бокал Макс и наконец решила ответить:

– Заметил, значит. На умывальнике?

Макс угукнул.

– Молодец, я тоже с утра заметила. Будешь теперь мораль читать?

– А надо? – Макс пожал плечами. – Наверное, уже не имеет смысла.

– Ты прав, не имеет, – согласилась Фролова, – я уже взрослая девочка.

– А папа уже знает, что ты до такой степени взрослая? – осведомился Подгорный.

Наташа плеснула на него водой.

– Этого ты точно ему не скажешь. Обещай мне.

– Когда-нибудь он все равно узнает.

– Макс, какой же ты нудный! – воскликнула Наташа. – Вспомни, что я тебе говорила про «зачем». Нет никакого «зачем», и, может быть, не будет никакого «когда». Живи сейчас. Вот почему ты сейчас не пьешь шампанское? Оно, кстати, классное.

Подгорный стоял, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, и слушал рассуждения Фроловой.

– А коксик – это же так, баловство. Я чаще, чем раз в неделю, не употребляю. Ты пробовал когда-нибудь?

Макс отрицательно покачал головой.

– Ну и зря! Кокс – это король кайфа. Что ты смеешься, дурак? Это же настоящий эталон кайфа, поверь мне. Это ГОСТ всего кайфа, что есть в мире. А весь твой виски, водка и даже вот это шампанское – это все так, техусловия.

– Давай договоримся, – наконец не выдержал Подгорный, – я тебе мораль не читаю, но и ты мне свой. . . ГОСТ не пропагандируй, – и сухо добавил: – Домывайся, я приготовлю завтрак.

От яичницы Наташа отказалась, быстро выпила сваренный Максом кофе, сама вызвала себе такси. Машина приехала уже через несколько минут. Стоя в дверях, Наташа повернулась к Подгорному и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

– Нет никакого «когда-нибудь», Макс. Есть только «сегодня». – Она немного помедлила и тихо добавила: – А еще иногда бывает «вчера». Вчера, Макс, мне было с тобой хорошо.

Наташа захлопнула за собой дверь. Макс все так же молча стоял, прислонившись к стене. Погруженный в свои мысли, он задумчиво смотрел на закрытую дверь. Простояв так довольно долго, Подгорный пробормотал себе под нос: «Ну не идиот ли?» – и пошел обратно на кухню. Ему надо было позвонить Марине.

В следующую пятницу дневным рейсом Подгорный все же улетел в Среднегорск. Его не было дома уже три недели, и дольшего отсутствия Марина ему бы точно не простила. Да и сам Подгорный соскучился и по жене, и по детям. К его радости и удивлению, за прошедшие с его отъезда недели Марина сильно окрепла. Она еще иногда любила вздремнуть после обеда часок-другой, но это было уже скорее в силу привычки и наличия свободного времени, чем из-за слабости организма. Макс немного побаивался встречи с Мариной. Но как ни странно, жена не стала терзать его выяснением отношений из-за долгого отсутствия и нерегулярных звонков. Марина была настолько рада приезду мужа, что весь вечер не отходила от него ни на шаг, при каждой удобной возможности норовя взять Макса за руку.

Сразу после ужина, оставив детей разбираться с дужиной привезенных отцом дисков для игровой приставки, Марина потащила мужа в спальню. Позже, когда жена уже уснула, Макс еще долго лежал с открытыми глазами, мучаясь бессонницей. Подгорному не давала уснуть одна мысль, будившая в нем самые противоречивые эмоции. Макс то чему-то глупо улыбался, глядя в темноту, то мысленно чертыхался и ругал сам себя последними словами. Все дело было

в том, что, занимаясь сексом с женой, он мысленно представлял себя в постели с Наташей Фроловой. И это Макса очень пугало. И в то же время ему это очень нравилось.

Суббота пролетела в череде поездок и совещаний. Все руководители предприятий Подгорного были уведомлены о приезде шефа и находились на рабочих местах. Прихватив с собой главного бухгалтера холдинга Татьяну Николаевну, Максим сначала поехал на завод «Стальконструкция», где пробыл почти до обеда. Заводом уже семь лет руководил опытейший директор Виктор Григорьевич Привалов, который до этого работал на этом же предприятии заместителем по производству. Будучи сильным производственником, Привалов обладал и сильной природной коммерческой жилкой. Контрактный отдел предприятия постоянно мониторил строительные тендера не только по области, но и по всем соседним регионам. На завод, где вся деятельность была детально отлажена, можно было и не приезжать, его показатели Подгорного весьма устраивали. Но, во-первых, надо было проявить уважение к Привалову, что Макс и сделал, два часа слоняясь с ним по цехам завода и выслушивая подробности обо всех имеющихся в работе заказах. Во-вторых, надо было показать, что Подгорный, даже находясь в столице, контролирует все текущие процессы и расслабляться не стоит никому, даже Виктору Григорьевичу. Для этого Макс и притащил с собой Татьяну Николаевну, которая сразу затребовала себе у местной бухгалтерии чаю, пирожных и авансовые отчеты за последний квартал. Не то чтобы Подгорный не доверял Привалову, скорее наоборот, он был в нем уверен больше, чем в остальных, но искушать человека отсутствием контроля не стоило. Это в свое время внушал ему еще отец. Довольные всем увиденным, Максим и Татьяна Николаевна перекочевали в принадлежащий Подгорному клуб-ресторан «Гризли», логично решив совместить рабочий визит с обедом.

Обед Татьяна Николаевна раскритиковала, заявив, что «Мигель хоть, конечно, был и засранец, но работников гонять умел». После этого, потребовав подать кофе и десерт в бухгалтерию, она гордо удалилась просматривать документацию. Макс посчитал, что критика была вызвана тем, что Мигель, будучи прирожденным дамским угодником, в свое время Татьяне Николаевне очень нравился. Ко всему прочему, новым управляющим была женщина, к тому же достаточно молодая и привлекательная. Очевидно, что в сравнении с Мигелем она явно проигрывала в глазах главного бухгалтера.

– Яна, не обращайтесь внимания. – Макс доброжелательно улыбнулся сидящей напротив него девушке. – Татьяна Николаевна любит побухтеть. Обед был замечательный. А в сравнении с Мигелем у вас есть явное преимущество – вы не планируете меня убить. Верно?

Они оба рассмеялись, появившееся было напряжение исчезло. Проговорили они больше часа. Подгорный подробно расспрашивал Яну о ее впечатлениях о работе в его компании, о планируемых ею переменах. Еще месяц назад при приеме на работу Яна произвела на Макса впечатление человека толкового, энергичного и амбициозного. Подгорный любил сотрудников с амбициями, по его мнению, именно они по-настоящему мотивировали к результативной работе. Сейчас это благоприятное впечатление только усилилось. Выяснив все, что ему было нужно, Подгорный, захватив своего грозного главбуха, отправился в следующий пункт назначения. Его еще ждали торговые центры и редакция. Чтобы не расстраивать Марину, Макс решил сначала съездить в медиахолдинг, а уже затем в компании жены прогуляться по торговым центрам и заодно порадовать себя и ее чем-нибудь не очень нужным, но обязательным к приобретению.

Домой они вернулись совсем поздно, изрядно нагулявшись и нагруженные многочисленными пакетами с покупками. Марина с явным удовлетворением взглянула на гору фирменных упаковок и обняла Макса.

– Знаешь, чего еще я хочу? – таинственно спросила она.

– И чего же хочет моя королева? – тем же тоном отозвался Подгорный.

– Я хочу выпить шампанского, а еще... еще я хочу своего мужа.

В этот вечер Макс о Наташе совсем не думал.

Он уже засыпал, когда коротко пиликнул смартфон. Макс прикрыл экран ладонью, чтобы он не светил так ярко, и открыл сообщение. Оно было с неизвестного номера, но в его авторстве сомнений быть не могло.

«Скучаю по тебе, верблюжонок».

Макс перевел телефон в авиарежим и положил его обратно на тумбочку. В комнате вновь воцарились мрак и тишина, которую нарушало лишь еле слышное дыхание спящей Марины.

Субботный день, изначально не предвещавший ничего плохого, чрезвычайно расстроил Петра Михайловича. Президент уехал из Кремля еще в первой половине дня, больше никаких дел запланировано не было, и Фролов намеревался поехать к себе, на Старую площадь, чтобы спокойно поработать с документами, а потом все же уехать пораньше домой. Все испортил Петров.

Появившись на пороге кабинета, глава администрации президента аккуратно прикрыл за собой дверь, неспешно подошел к столу и уселся, демонстрируя свой четкий, кощеевский профиль и безупречную осанку. Посидев так некоторое время, Петров повернул голову к Фролову и соорудил удивленное выражение лица, так, словно не понимал, что Петр Михайлович делает в этом кабинете или почему он не отвечает ему на вопрос. Хотя вопрос задан еще не был.

– Сидишь скучаешь?

Зная манеру общения своего собеседника, хозяин кабинета терпеливо ждал, когда Петров наконец перейдет к сути вопроса, из-за которого появился. Не дождавшись ответа, глава администрации недовольно поджал губы и нахмурился.

– Вот что я думаю, Петр Михайлович, раз уж ты не сильно занят, не пообщаться ли тебе сегодня с господином Рудиным?

– Мне?

Удивление Фролова было искренним. Общаться с влиятельным главой нефтяной госкомпании он никакого желания не испытывал.

– Тебе, Петр, тебе, – уверенно отрезал Петров. – Ты бы намекнул нашему общему другу про ту чудесную запись разговора с Тукаем. Мягко так намекнул бы. Мол, есть материальчик, материальчик весомый. Но мы, – Петров пристально посмотрел на Фролова, словно желая убедиться, что тот его правильно понимает, – мы настроены дружески и готовы, даже хотим, этот материальчик уничтожить.

– Это еще как? – возмутился Фролов. – С какой стати?

– Подожди, – махнул на него Петров, – обещать не значит жениться. Уничтожить мы материальчик очень хотим, но хотим мы и ответного дружеского расположения при формировании как будущего кабинета, так и администрации.

– Не рано мы дергаемся? – с сомнением покачал головой Петр Михайлович. – К тому же я предполагал, что мы будем контактировать с Тукаем. Мне кажется, он более сговорчив.

– Не рано, до выборов не так долго осталось, а потом будет поздно. С нами и разговаривать никто не станет. Что касается Тукая, то я думаю, он уже спит и видит себя с нимбом на голове. Вряд ли он пойдет на переговоры. А Рудину есть чего бояться.

– Да уж... Ладно, давай гранату.

– Не понял, ты это о чем? – поднял брови Петров.

– Раз ты меня под танк бросаешь, так хоть гранату с собой дал бы.

Петров засмеялся неприятным квакающим смехом, при этом глаза его оставались абсолютно серьезными. Принять издаваемые им звуки за смех мог только человек, хорошо знающий главу администрации. Фролов был как раз таким человеком.

– Знаешь, а мне вот не смешно. Почему я один должен с ним встречаться? Не кажется ли тебе, что нам стоило бы сделать это вместе? Это было бы веселее. С Рудиным очень тяжело общаться.

– Общаться тяжело, это верно, – согласился Петров, – и, скорее всего, разговор у тебя не заладится. Но в любом случае после этой беседы он начнет думать. И к следующему разговору, который мы уже проведем вместе, он будет, думаю, поговорчивее.

– Почему ты не хочешь пообщаться с ним сейчас? – настаивал Фролов.

– У нас так будет больше возможностей для маневра. Если у вас в общении возникнут острые углы, мне будет их проще сгладить в том случае, если я не принимал участия в диалоге. Позвони ему сейчас и постарайся сегодня встретиться. Насколько я знаю, он должен быть сегодня у себя в офисе.

Дальше возражать уже не имело смысла. Петру Николаевичу крайне не хотелось одному встречаться с Рудиным, да еще намекать ему о том, что у них есть запись разговора, в которой Рудин, по сути, подтвердил свое участие в убийстве Жамбаева. Конечно, впрямую он этого не произнес, но если запись попадет в руки ближайшим соратникам убитого, то тогда Рудина не спасет никто.

На встречу Рудин согласился сразу же. Судя по голосу, он пребывал в хорошем настроении. Встретиться договорились в «Живаго». Когда Фролов вошел в зал ресторана, Рудин задумчиво рассматривал гипсовую фигуру пионерки-барabanщицы с завязанными алой лентой глазами.

– Вот чего только не удумают, декораторы хреновы. – Рудин крепко пожал руку чиновнику. – У меня на доме такого напроектовали, что я их самих в фундамент закатать хотел, фантазеров. Ну, давай кофе попьем, да расскажешь, зачем звал.

Глава Первой нефтерудной пил черный кофе без сахара, зато с коньяком. Петр Михайлович заказал себе капучино. От алкоголя он отказался.

Выслушав речь Фролова, Рудин хитро прищурился:

– Я тебя правильно понял, у администрации есть на меня материал, верно?

– Все верно, – согласился Петр Михайлович.

– Только я ведь правильно понял, что материалчик вы не вчера накопили? Он у вас уже довольно долго без дела лежит. А самому вы об этом материалчике докладывать не стали. Пошалить надумали. В свои игры поиграть решили. А не рано? Что ваш шеф скажет, когда про эти игры узнает?

Фролов напряженно молчал. Рудин разошелся не на шутку, и, чем кончится разговор, оставалось только гадать.

– Вы из себя кукловодов изобразить решили? Вот вам! – Взбешенный Рудин показал ошарашенному Фролову фигу. – А может быть, и вот так! – Фига превратилась в сжатый кулак. – Короче, передай Петрову, что вам ничего не светит. Если материалу будет дан ход, не важно как, сами вы его отнесете или вдруг какая утечка случится, я вас уничтожу. Обоих. Больше я на эту тему разговаривать не буду. Не было этой темы и нет. Ясно?

– Я передам ваше мнение, Иван Андреевич. – Фролов старался говорить твердым голосом.

– Передай, передай, – проворчал, успокаиваясь, Рудин. – Вот ты же умный человек, Петр Михайлович, а такой глупостью занялся. Зачем тебе это? Поверь моему слову, у тебя и без этой мышины возни перспективы очень хорошие. Не порть сам себе жизнь. И вообще, у тебя же куча своих проблем, вот дочурка твоя, говорят, совсем от рук отбилась. Не дело это, Петр Михайлович. Детей, как и жен, надо в строгости держать.

– Что ты имеешь в виду? – Фролов отодвинул в сторону чашку.

Толстые губы Рудина растянулись в ухмылке.

– Побереги дочку, Петя.

Иван Андреевич тщательно вытер губы салфеткой и, не прощаясь, ушел. Через огромное окно ресторана Фролов видел, как лимузин директора Первой нефтерудной компании отъехал от тротуара, включив маячок, развернулся через сплошную и исчез из виду. Петр Михайлович нашел в телефоне номер дочери и нажал вызов. Пошли длинные гудки, которые затем сменились короткими. На экране появилось стандартное сообщение с номера дочери: «Я не могу сейчас говорить. Я перезвоню позже». Фролов, недовольно нахмурившись, убрал телефон в карман. «Говорить она не может! С отцом! И ведь не перезвонит, как обычно».

После встречи с Рудиным Фролов поехал к себе на Старую площадь. Расположенный на третьем этаже здания администрации кабинет нравился Петру Михайловичу гораздо больше, чем кремлевский. Здесь ему было гораздо комфортнее. Около часа Фролов честно пытался работать над документами, однако в конце концов оставил эти попытки. Настроение было испорчено напрочь, и, что бы ни было написано в бумагах у него на столе, перед глазами стояло все то же разгневанное, покрасневшее лицо Рудина и его холодные, водянистые глаза. В тот день дочери Петр Михайлович так и не смог дозвониться.

В столицу Подгорный возвращался в воскресенье вечером. Чем ближе было время его отъезда в аэропорт, тем грустнее становилась Марина. Когда Макс обнял ее, прощаясь, то ему показалось, что жена вот-вот расплчется.

– У детей же через пару недель каникулы. Вы могли бы приехать на несколько дней ко мне? – неожиданно для себя самого произнес Подгорный.

Марина подняла на него удивленный взгляд.

– Ты уверен? Мы тебе не будем мешать?

– Нет, конечно, – отступить назад было уже поздно, – и пацаны рады будут. Верно? – обратился Подгорный к стоявшим рядом мальчишкам. Те радостно закивали.

– Что же, я думаю, это хорошая идея. Скорее всего, мы приедем.

Макс еще раз поцеловал жену, ласково потрепал по головам сыновей и вышел во двор, к ожидающей его машине.

Когда Подгорный отправил сообщение, автомобиль еще не успел выехать за пределы поселка. Сообщение было коротким: «Прилетаю сегодня. Встретимся?»

Всю дорогу до аэропорта Макс крутил в руках телефон, ожидая ответного сообщения или звонка. Несколько раз он сам уже хотел позвонить Наташе, но сдерживался, не желая говорить при водителе. Подгорный уже поднимался по трапу самолета, когда наконец Наташа ответила. Макс разочарованно прочитал такое же короткое сообщение: «Я за городом. Вернусь во вторник».

В салоне бизнес-класса кроме Подгорного летела лишь одна молодая пара, судя по всему купившая билеты за накопленные мили и теперь не скрывающая своего восторга от прикосновения к миру избранных. Макс раздраженно плюхнулся в свое кресло, прижался лбом к холодному стеклу иллюминатора. «Я ведь ревную эту девицу. Какая глупость!»

В понедельник занятия были настолько интенсивны, что думать о Наташе было просто некогда. Обучение было на самом деле очень интересным. Первое время Макс, отвыкшему от таких нагрузок, было тяжело, но теперь он втянулся и получал огромное удовольствие от новых знаний и от всей окружающей его соревновательной, но одновременно дружелюбной атмосферы. Честно выполняя обещание жене выходить на связь каждый день, вечером он позвонил Марине. С момента вчерашнего прощания Марина повеселела. Они немного поболтали, в основном говорил Макс, повествуя о жизни столичных пробок. Он поведал жене о том, что вечером по дороге из аэропорта пробок уже не было, а вот с утра они были просто гигантские, ибо понедельник, а вечером эти ужасные пробки были еще почти вдвое больше, так как пошел снег. Вслед за снегом пошли снегоуборочные машины, и это окончательно парализовало движение. Марина негромко смеялась. Потом, когда красноречие Макса иссякло, она спросила:

– Ты не будешь возражать, если мы с девочками поедem в «Гринлэнд»?

Макс слышал про открывшийся недавно в нескольких километрах от Среднегорска новый спа-отель.

– Вас много народу едет?

– Нас трое, ты же моих матрён знаешь.

– Да уж, как их не знать. Надолго едете?

– Дня на четыре. Там дольше все равно делать нечего.

– Родители бухтеть не будут? – поинтересовался Макс.

– Да они уже бухтят понемногу, детей сиротками называют, – рассмеялась Марина, – ну ничего, успокоятся.

– Ну и ладно. Хорошего вам там отдыха, шли фотки!

Попрощавшись с женой, Подгорный немного поразмыслил, делая выбор между вечерним стаканчиком виски и пособием по государственному администрированию. В борьбе алкоголя и государства победило государство.

Она непринужденно шла вдоль бортика бассейна. Инструктор, молодой здоровый детина в оранжевых шортах, не скрываясь, пялился ей в спину. Хотя при чем тут спина. Взгляд юнца был прикован к месту, едва прикрытому узким белым треугольником плавок, задача которого была не столько в том, чтобы прикрывать что-либо, сколько в том, чтобы окружающие восхищенно причмокивали губами и задавались вопросом, а прикрывает ли он хоть что-то. Увидев Марину, ее подруги подплыли к бортику.

– Ну ты где застряла? Фоткаться будем?

Марина помахала смартфоном.

– Только надо, чтобы все вместе. Ой, а кто же нас снимать будет?

– А мы молодого человека попросим. – Марина обернулась к инструктору. – Мужчина, можно вас на минутку? Здесь вами женщины интересуются.

Польщенный тем, что его назвали мужчиной, юноша был готов на все, а уж на то, чтобы пофотографировать несколько веселых, пусть и старше его лет на десять, красоток, тем более. К тому же ему очень нравились женщины взрослые, лет тридцати – тридцати пяти. Он был уверен, что в постели они способны на большее, чем его сверстницы, которые, хоть и пытались изобразить из себя бешеную сексуальность, на самом деле были весьма неловки и однообразны. К сожалению молодого человека, эта уверенность была всего лишь теоретической, но он не оставлял надежды убедиться в этом на практике.

Сделав два десятка фотографий красавиц, которые, нисколько не стесняясь, принимали самые разнообразные позы у бортика и поручней для спуска в воду, юнец почувствовал, что его организм слишком сильно реагирует на все происходящее. Надо было что-то делать, шорты уже не могли скрыть бросающееся в глаза возбуждение. Не придумав ничего другого, молодой человек бросил смартфон на свой шезлонг и с громким криком «Девчонки, я иду к вам!» прыгнул в бассейн. Девчонки с заливистым смехом расплылись в разные стороны. Как кавалер юноша никого не заинтересовал.

Вторник был чуть смазанной копией понедельника. Утренние пробки, день, заполненный напряженными занятиями, пробки вечерние, хлопья снега, размазанные по ветровому стеклу, вечерний разговор с Мариной.

После разговора она сбросила ему несколько фотографий. На фото были девушки в ярких купальниках, позирующие в соблазнительных позах как в воде, так и на бортике бассейна. Из всех троих самой симпатичной была Марина. Так Подгорный решил еще больше десяти лет назад, на дискотеке среднегорского политеха, куда его затащили приятели. Сам Подгорный к тому времени уже окончил университет и поглядывал на танцующую молодежь немного свысока. В планах было всего лишь познакомиться с какой-нибудь симпатичной студенткой и, что называется, замутить с ней на месяцок-другой. Однако месяцок сначала заты-

нулся на полгода, а потом, к удивлению всех друзей Подгорного, дело дошло и до свадьбы. Марина и сейчас была самой красивой из всей троицы. Несмотря на рождение двоих детей и свою патологическую нелюбовь к спортзалу, она и теперь, спустя годы, каким-то непостижимым образом ухитрилась оставаться стройной и подтянутой, а ее искренняя улыбка вызывала сразу же желание улыбнуться в ответ. Макс улыбнулся телефону, затем погасил экран. Надо было уже ложиться спать. Завтра опять вставать чуть свет. Завтра должна появиться Наташа.

Подгорный ухитрился проснуться раньше, чем это сделал будильник. К тому времени, как крики Драконов заполнили квартиру, Макс уже вышел из душа. Он был свеж, выбрит, источал оптимизм и запах лосьона после бритья. Даже традиционный затор на Садовом кольце не смог развеять его позитивный настрой. Немного улетучился только запах лосьона.

В фойе здания Наташи не оказалось. Макс быстрым шагом прошелся по коридорам, уточнил расписание Наташиной группы, заглянул в ее аудиторию. Потоптался возле женского туалета и вновь вернулся к дверям аудитории. Однако девушка так и не появилась. Подошло время начала занятий. Макс быстро отправил Наташе сообщение с несколькими вопросительными знаками и побежал к своей группе. Не появилась Наташа и после перерыва. На сообщение девушка тоже не ответила. Макс очень хотелось позвонить ей, но его представления о мужской гордости выступали за то, что этого делать не следует. После второй лекции Подгорный все же не удержался, но услышал лишь холодный голос, говорящий об отсутствии абонента в зоне действия сети.

После занятий Макс, получивший на руки очередной список рекомендованной литературы, не пошел в библиотеку. Он вышел к машине, уверенный, что сегодня как следует напьется. Осталось только определиться, сделать это дома или куда-нибудь поехать. Вспомнив, что он в столице и в случае чего его охрана за ним не приедет, Подгорный все же решил поехать домой. В этот вечер снегопада наконец не было. Макс неторопливо шел по тротуару к припаркованной в паре сотен метров машине. Еще издали он заметил возле своего «гелендвагена» невысокую фигурку в ярком оранжевом пуховике. Макс зашагал быстрее, еле сдерживая себя от того, чтобы перейти на бег. Наташа обернулась и помахала ему рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.